

OLKOGONOV COLLECTION

RUSSIAN STATE MILITARY ARCHIVE (RGVA)

Box _____ Folder _____

Шапка Л. 54.

- 1 мая 1920 г.

Письмо дочери Ларисы от Поляе Л. Троцкому.

Ф. 33587, оп. , д. 46, л. 42-118.

ЦГАСА

Фонд 33987

Опись 3с

Дело 46с

І. 1920г.

Письмо А.А. Кеффе Л.Д. Троицкому

Москва, I-го мая 1920 г.

- 142 -

623

Младшему
Секретарю
Ц.К. (П.А.А.)
9
П.А.А.

Все
сиротинцы

Дорогой Лев Давидович

Вы так теперь заняты, что не хватает духу отнимать у Вас время для личных разговоров. Но я полагаю, что 20 минут для прочтения этого письма у Вас все же всегда найдется. Поэтому пишу.

Мое письмо, хотя и личное, написано все же не только по личному поводу и не только на личные темы. Я долго колебался, не написать ли мне официальное письмо в Ц.К. по этому поводу и решил все же не делать этого, а написать лично Вам: во I/ Вы один из влиятельнейших членов нынешнего Ц.К., а во 2/ нас с Вами все же связывает старая дружба в то время, как, наоборот, нынешний Ц.К., - поскольку отдельные члены его вообще могут быть приняты в расчет, - представляет собой струю фракционную компанию, всегда бывшую нам, в частности мне, в достаточной степени враждебной, что не может не оказывать влияния до сих пор.

Я полагаю, что накладки последнего съезда на Ц.К., с точки зрения организационной, совершенно справедливы. Можно было бы выдвинуть массу гораздо более серьезных и гораздо более обоснованных обвинений. Как старший организатор, я намеревался это сделать, собираясь на съезд. Но никчемная, бессмысленная и принципиально вредная оппозиция Сафроновско-Кривенско-Украинского типа зажала рот всякой деловой оппозиции, ибо приводила к необходимости объединения всех истинно партийных и государственно мыслящих элементов. Тем не менее, - замечу в скобках, - опасность для партии не миновала, несмотря на нашу победу на съезде. Ибо изменившееся политическое положение, сводящееся к тому, что принадлежность к партии вместо кандалов на ноги или веревки на шею влечет за собой приобщение к пользования вполне реальными и материальными благами, - чрезвычайно меняет и партийную психологию и партийную мораль. Эгоистические и даже корыстные элементы превосходно учитывают, что в то время, как советские посты замещаются по назначению, и лицо, не имеющее на то соответственных данных, не может рассчитывать занять особенно ответственный пост, - оно может получить его благодаря неписанному закону нашей конституции, по которому партийная организация стоит на аде советской; т.к. партийные посты замещаются по выбору, и демагогическая работа в низах партии может выбросить на верхушку демагога, корыстного и политически аморального, обладающего только одним достоинством, хорошо привешанным явком. С другой стороны, заяв-

1425.

ление наше, что партийный человек не должен гоняться за "чинами" и что внутри партии все равны, - остается только на бумаге, ибо в действительности от занимаемого поста и "чина" вполне зависит количество и качество получаемых реальных ценностей, материальных благ и удобств. Поэтому "борьба за существование", своеобразно выражающаяся в борьбе за положение и погоню за "чинами", насильно пропитывает и заражает нашу партию. Я указывал на это еще более года назад перед восьмым съездом нашей партии, когда я в Минске впервые мог наблюдать эту болезнь. С тех пор болезнь эта еще обострилась и стала угрожающей.

Если теперь внимательно присмотреться к внутренней жизни новой бюрократической России, то легко убедиться, что эти тенденции и эта борьба сверху до низу заражает все и почти всех.

Кто наблюдал беспартийные конференции последнего времени, тот не мог не заметить, что резко оплошительное против коммунистической партии настроение пролетарских и полупролетарских масс, в сущности глубоко-господствующее, честно-советских и чрезвычайно лояльных, имело своей подоплекой протест против того, что при недостатке материальных благ в Советской России, - партийная и советская бюрократия пользуются ими и ущерб не только буржуазии, как это следовало бы, но и ущерб пролетариату; чего не следовало бы. "Почему комиссарам и комиссарчикам можно свободно передвигаться, а нам нельзя? Почему для них находятся места в вагонах, а для нас нет? Почему для них находятся места в санаториях, а для нас нет? и т.д. и т.п." - Это было лейтмотивом на всех беспартийных конференциях, где мне приходилось выступать. При чем там прямо заявлялось, что "вождям можно", но возмущались тем, что "благами" пользуются маленькие комиссарчики, этого не заслужившие, и притом пользуются в еще больших размерах, чем большие.

Если от беспартийных конференций и собраний Вы перейдете к партийным, то заметите то же самое. Пресловутая борьба за "федеративное строение" местных комитетов основана только на этом, ибо гораздо легче выдвинуться у себя в районе и проиндентифицировать таким образом в Ц.К. или М.К., нежели быть избранным всей организацией. И, замечать, что и здесь та же психология: "вождям можно". В Питере, например, требовали на последних двух конференциях такого строения Ц.К.: четыре теоретических и идейных руководителя и 11 от районов; а при выборах Бюро Ц.К. прямо говорили: "если бы Бюро намечалось из Зиновьева, Лашевича и Иоффе, то никто бы не возражал, но чем, мол, Антипов хуже Зорина, почему второй, а не первый должен быть секретарем?"

Сравните это^с требованием Ц.К. из трех политспецов и 16 рабочих комиссаров, выдвинутым на последнем съезде; и Вы наткнетесь на ту же самую психологию. Наконец; поднимите еще выше и с тем же самым настроением Вы столкнетесь внутри самого Ц.К.: Ленин, Троцкий, Зиновьев - признанные вожди, но почему Иоффе, только благодаря Бресту и Берлину приобретший мировую известность, должен пользоваться ею и занимать ответственные посты. Ведь внутри партии среди центральных фигур Иоффе занимал всегда положение, равное положению многих других, значит, незачем ему теперь давать посты, могущие его особенно выдвинуть. "Вождем можно", - как заявил мне один из малосознательных рабочих на одной из питерских беспартийных конференций. А если бы примете во внимание, что именно в Москве неравенство действительно чрезвычайно велико и фактически в зависимости от посты находится и материальная обеспеченность, то Вы согласитесь, что дело становится чрезвычайно опасным. Мне, например, передавали, что перед последней чисткой В.И.К. старые члены его были отчаянно взволнованы и перепуганы главным образом потому, что боялись лишиться права жить в Национале и, следовательно, потерять все связанные с этим привилегии. А я знаю случай, когда мне самому, например, приходилось драться за то, чтобы добиться права питания в Совнаркомской столовой для какого нибудь старого члена партии, 30 лет работающего для революции, потерявшего все свое здоровье в тюрьмах и каторгах, но не могущего быть сытым, ибо он не имеет чести состоять членом коллегии в то время, как в этой же столовке кормятся и всеми иными привилегиями пользуются также члены коллегий, относительно которых, когда в старо-партийной среде упоминается их имя, все начинают переглядываться и спрашивают друг друга: "откуда он взялся. Кажется, просто жулик."

Сверху до низу и снизу доверху - одно и то же. На самом низу дело сводится к паре сапог и гимнастерке, выше к автомобилю, вагону, Совнаркомской столовой, квартире в Кремле или Национале, а на самом верху, где имеется уже и то, и другое и третье, к престижу, громкому положению и известному имени. Откуда тут взяться прежней партийной преданности и самоотверженности, революционному подвижничеству и самозабвению. А ведь все это по-прежнему необходимо и нужно. К тому же, старик революционеров, живущих еще старыми традициями, становится все меньше и меньше. Молодежь же воспитывается уже в новых, мною только что изображенных, традициях. Как тут не ужаснуться за нашу партию и революцию? Дело, по моему, было бы совершенно безнадежным, если бы не мировая обстановка, которая не допустит нас до окончательного разложения. Подобно тому, как только мировая революция спасает нашу революцию вообще, она же спасает нас от внутрен-

него разложения и развращения.

Но из этого, конечно, не следует, что мы не должны сами бороться с замеченным влом...

Впрочем, я хотел дать только анализ, не предлагая никаких рецептов, хотя последние сами собой напрашиваются.

Мое письмо личное и я хотел говорить о себе, но моя личность слишком связана с партией и революцией и мне в дальнейшем тоже придется касаться и той и другой.

Я всегда считался недурным организатором, и Вы сами всегда оказывали мне честь признания этого: и в нашей "Правде" организационная и организаторская работа почти всю своей тяжестью всегда ложилась на меня.

Итак, как старый и недурной организатор, я позволяю себе утверждать что главное умение организатора заключается не только в том, чтобы на каждое место находить подходящего человека, но и в том еще более, чтобы каждому человеку найти подходящее место. Мы слишком бедны, чтобы швыряться людьми с одной стороны, а с другой не надо ведь никакого организаторского умения, чтобы просто снять с поста лицо, оказавшееся на этом посту негодным, а нужно очень много умения и даже организаторского таланта для того, чтобы определять, на что именно может быть годно данное лицо и поставить его на соответствующую полочку. Наконец, по моему, нет никакого сомнения, что при нашем безлюдьи в с я к и й человек, нужен, необходим и м о ж е т б ы т ь г о д н ы м .

К сожалению, у нас не умеют ни того, ни другого. Не умеют определить подходит ли данное лицо для занимаемого им поста, не умеют найти для того подходящего места, если уж определяют, что для данного оно не годится. Не умеют и не хотят. Ибо сплошь да рядом руководствуются совершенно иными, чрезвычайно даже вредными, соображениями. Вот горлан, постоянно находящийся в оппозиции. Заткнуть ему глотку, дать ему "высокое положение", чтобы он успокоился. Или, наоборот, послать его куданибудь подальше, пусть хоть здесь не мешает. Так поступают у нас. Бывает и обратное. Вот тихий, спокойный, чрезвычайно законопослушный, человек, который вне сомнения будет, не мудрствуя лукаво, делать все, что ему прикажут. И поэтому такое лицо сажают на чрезвычайно ответственный пост, несколько не сообразуясь, может ли оно справиться с возлагаемыми на него обязанностями. Это - отрывка старой фракционной дипломатии" в ~~каком~~^{каком} смысле этого слова.

Было бы еще полбеды, еслибы до сих пор сохранился в силе старый написанный закон нашей конституции, по которому создавалось нечто в

роде своеобразного "самодержавия", когда все вопросы разрешались небольшой группой лиц, независимо от того, в области чьей компетенции находятся эти вопросы. При этих условиях было полбеды, говорю я, потому что эта небольшая группа лиц действительно хорошо и правильно разрешала бы все вопросы. Но этот неписанный закон давно уже не существует, во 1/ потому, что вопросов стало уж слишком много и разрешать их все просто не по силам нескольким лицам; во 2/ же потому что у нас / в связи с первой причиной / чрезвычайно развилась ведомственность и каждое ответственное лицо в "вверенной ему" области приобрело чрезвычайно широкую автономию. А это в свою очередь приводит к таким вредным последствиям, когда каждый ответственный работник, сегодня назначенный на свой пост на основании вышеуказанных соображений "дипломатического" свойства, завтра уже признается знатоком и специалистом в данной области, хотя он ровно ни аза в ней не вымыслил. Мне вспоминаются такие курьезы,

как например следующий: на другой же день после назначения Красина Наркомпутом, т.е. на пост, на который он, несмотря на все свои достоинства, совершенно не годится, мне пришлось уезжать и перед отъездом быть у Владимира Ильича. В разговоре последний меня спросил, когда я еду. Я ответил, что не знаю, когда идет поезд. "Так бы позвоните Красину", - сказал мне В.И. В его представлении Наркомпутом должен знать все, также расписание поездов, и это несмотря на то даже, что он ведь только вчера назначен и до сего ж.д. делом никогда не занимался. И так во всем. По финансовому вопросу изволь обращаться к Крестинскому, хотя с каких пор последний стал финансистом? По иностранным делам - к Чичерину, хотя всем известно, какой он дипломат. Быть может, так и следует, в "благоустроенном" государстве, но тогда нужна была бы еще одна предпосылка, а именно: назначение на пост только специалистов данной области, как при царском режиме, когда министром финансов становился человек; наживший геморрой как раз в финансовом ведомстве, министром Иностранных Дел человек, обивший пороги всех иностранных дворов, сначала в роли атташе, затем посланника и, наконец, посла и т.д. Но у нас, когда человека всегда берут, так сказать, от сохи, когда какого нибудь Лутовинова назначают Членом Коллегии Н.К.Р.К.И. не потому, что он что нибудь принимает в Инспекции или когда нибудь этим интересовался, а только потому, что ему надо заткнуть глотку и "орабочить" Р.-К., Инспекцию... А дело от этого страдает и вело страдает. Я бы еще понял, если бы направляли к главе ведомства только по техническим вопросам, т.к. человеку, сидящему

там легче получить нужную справку, но ведь это делается и по принципиальным вопросам. Я живо помню свой спор с Чичеряным в Криве, когда последнему В.И. еще не объяснил, что привлечение на нашу сторону и угнетенной буржуазии малых государств является важным вопросом, а он поэтому еще не защищал этой точки зрения, и когда я борюсь именно за это, апеллировал к Вл.Ил. и получил официальный ответ последнего!

"Я согласен с Наркомом Инодел", в то самое время, как через несколько дней Вл.Ил. во всех своих выступлениях резко подчеркивал именно этот результат Кривских переговоров, которого я добивался, в о п р е к и в п р о т и в директив Наркома Инодел, и повторял даже фразу, мне самому тогда еще казавшуюся опасной, о "симпатиях", которые чувствует к нам даже и буржуазия малых республик.

Для выяснения этой новой грозящей нам опасности я немного остановился на двух вопросах, в которых я позволяю себе считать себя более компетентным, чем другие. Это на вопросе: 1/ о Рабоче-Крестьянской Инспекции и 2/ о нашей внешней политике.

Я единственный человек, который в нашей партии работает в области рабоче-крестьянской инспекции, ибо Пайкес и Галкин, которые заняты в Контроле и понимают дело к о н т р о л я ; как раз являются противниками р.-к. инспекции. Более года назад мне пришлось заняться этими вопросами. Я работал в этой области и теоретически и практически. На Украине, где условия были совершенно неподходящими, мне все же удалось кое что наладить в этой области. Мне приходилось также много выступать и писать на эти темы. Одним словом, я имею дерзость считать, что единственный человек, который в результате годичной интенсивной работы в этой области что-нибудь понимает, это только я /не считая контролеров-специалистов, которые понимают контроль, но совершенно не понимают инспекции/.

Когда я вернулся с Украины, мне сообщают в Оргбиро, что хотели назначить меня Наркомом тогда еще Госкона, но что Сталин устроил "министерский кризис" и потому решили отправить меня в Питер для налаживания там этой работы, т.к. де Цигэр часто уже был прообразом для всей России и если я там дело хорошо налажу, то в Нар. Комиссариат для всей России примет тот же план. Я уезжаю в Питер, работаю там по 18 час. в сутки. Несмотря на то, что в период наступления Юденича я естественно был занят военными делами, а не инспекцией, несмотря на то также, что сначала меня на 2 1/2 мес. отправляют на переговоры с Эстонией, а затем с Латвией и Литвой, - я все же кое что создаю в Питере. Я имею то удовлетворение, что теоретические мои воззрения на этот предмет "оляком всеми

привнаются и "Положение В.К.И.К. о р.-к. инспекции" почти воспроизводит моя тезисы, а Питерская, а затем Всероссийская конференция профсоюзов принимает ту же точку зрения. Наконец, и мой организационный план принимается в Центре. Но благодаря тому, что в Н.К.-те никто в этой области работать не может, и дело фактически остается в руках старых контролеров-специалистов, - все остается по старому в Центре, и я в Питере принужден, не считаясь с Центром, работать по своему, в то время, как Н.К.-т, поскольку он вообще работает, работает по своему., т.е. я в Питере вынужден делать то, за что я, будь я Наркомом, давно уже арестовал бы всякого Члена Коллегии, а с другой стороны я не могу действовать решительно, постоянно считаясь с тем, что раз меня перманентно отаивают, меня могут отозвать от этой работы окончательно и на этот случай мне ничего нельзя в Питере организационно нарушать, т.к. Центр работает по другим методам и будет после моего ухода строить все по иному. Разумно ли это? Целесообразно ли это? Соответствует ли это интересам дела? Не целесообразнее ли было бы, раз признано, что я это дело делаю правильно / а о б ъ е к т и в н о это признано / т.к. принципиально принята и моя теоретическая и моя организационная точка зрения /, поручить мне делать его во всероссийском масштабе, особенно раз никто, кроме меня этим делом не интересуется и не занимается? Ведь работа в Питерском районе, вне зависимости и связи от общероссийской, могла иметь место только как показательная и только временно, ибо *auf die Dauer* нельзя же столь резко нарушать все наши "централистские" принципы и особенно нельзя мне, - решительному "централисту" во всех областях.

Наконец, если бы даже признано было /по моему глубоко неправильно, по тем или иным соображениям, что такое ненормальное положение должно еще продолжаться, разве же разумно и целесообразно и соответствует интересам дела постоянное отрывание меня от этой работы и от партийной работы в Питере, которая тоже в значительной степени лежит там на мне и в которой я благодаря своему и организационному и пропагандистскому и, наконец, литературскому опыту мог бы гораздо больше сделать, чем делаю теперь; когда я сам и все Питерские товарищи смотрят на меня, как на работника временного?

И добро бы еще отрывали меня от этой работы для другой, более важной. Но я никак не могу согласиться, что в области нашей внешней политики на меня возлагают ничто серьезные обязанности. Наоборот, после Берлина мне в этой области приходится заниматься пустяками, а серьезное дело делают другие и притом, по моему мнению, делают весьма плохо.

Тут я подхожу ко второму вопросу, в котором тоже позволяю себе считать себя компетентным.

Наша внешняя политика в общем и целом направляется все той же небольшой группой людей и поэтому в общем и целом направляется превосходно. Но только в общем и целом. Как я уже доказывал, детали работы остаются вне сферы влияния этой группы, а возлагаются на тех, кто случайно стоит во главе ведомства / в данном случае несомненно случайно, ибо я сам был одним из главных виновников назначения и Чичерина и Карахана и прекрасно помню, как все происходило/. Карахан в сущности является заведующим хозяйством Наркоминдела и ни на что другое не способен. Что касается Чичерина, то он обладает большим достоинством, умея сделать вполне свою идею, поданную ему сверху, и систематически, планомерно, разумно и вполне целесообразно проводя эту идею. Но у него тот недостаток, что никаких собственных идей у него никогда не возникает и у него абсолютно отсутствует всякая гибкость в проведении преподанной ему идеи. Если ему скажут "мирная оффензива", то он уже ничего, кроме этого не видит и считает необходимым извиняться за то даже, что наши красные войска поколотовали империалистические банды в то время, когда те на них перли. Вопросы престижа и достоинства, умение продемонстрировать свое миролюбие и в то же самое время высечь противника, наконец, безусловно необходимое при сношениях с буржуазными интриганами умение интриговать в свою очередь, пользуясь слабыми сторонами противника и антагонистическими тенденциями внутри его лагеря - все это Чичерину совершенно не дано. Он мыслит и работает по приему: "да-да, нет-нет; а что свыше, то от лукавого." Диалектика борьбы и развития для него и у него совершенно отсутствуют.

Т.Ж. направляющая политику группа обращает внимание и может обращать внимание только на факторы особой важности, то в результате вся наша внешняя политика носит чрезвычайно и пресноискский характер и мы всегда и всюду м и н у т н а п я т ь о п а в д ы - в а е м .

Когда надвигается германская революция, мы все свое внимание и всю свою работу направляем в эту сторону, забывая совершенно о том, что нас спасает не германская, а только мировая революция. А я еще в Брестские, а затем повторно в Берлинские времена неустанно твердил, что надо обращать внимание и на Антанту, на Англию в особенности, и указывал конкретные возможности и методы такой работы. Что же, пусть ктонибудь попробует теперь доказать, что мой "английский меморандум", написанный в Берлине, был неправилен.

Когда восточный вопрос приобретает чрезвычайную важность, наши загры обращаются на Восток и мы делаем какой нибудь один превосходный шаг в этом направлении, но внимание руководящей группы немедленно отвлекается внешне более важными событиями на Западе, Наркоминодел ничего дальше не делает в указанном направлении, и мы остаемся при одном хорошем шаге, который не имеет последствий. Полтора года назад я обращал внимание Ц.К. на важность восточного вопроса. Только через несколько месяцев Ленин в своем письме Туркест. правительству подчеркнул эту важность, а еще через несколько месяцев была создана Туркестанская комиссия, которая до сих пор ничего не сделала, благодаря своему персональному составу. В китайском вопросе мы сделали превосходный шаг, аннулировав все хищнические Парские договоры и отказавшись от своих прав на В.Китайскую ж.д., но потом более года молчали и только теперь, быть может, заговорим, когда громко заговорил уже с нами сам Китай. В отношении Японии мы ничего не делали и не делаем, хотя имели бы чрезвычайно благодарное поле деятельности в виду потенциальных наших отношений с Китаем с одной стороны и американско-японских отношений с другой. В отношении Персии вы сами в Бресте, еще раньше, как Нарком, сделали замечательно важную вылазку, которая до сих пор неиспользована, а в последние дни вспоминается самой Персией и хоть теперь должна быть использована. С Турцией я интриговал в Берлине, Радек, повидимому, продолжал это там же, но Наркоминодел ничего никогда не делал.

Восточный вопрос теперь все яснее становится Центральным мировым вопросом, а мы продолжаем оправдывать и в одном отношении уже безнадежно опаздывали: ибо если год назад интенсивное внимание наше, обращенное на Восток, вывало бы опасения Англии, то нам на это было бы начхать, теперь же это уже не может быть нам столь безразлично.

Наш Н.К. Инодел никуда негодится. В этом в нашей партии никто не сомневается. Быть может, за исключением Ц.К.Р.К.П. Если бы вы получали столько недоуменных вопросов, как я: "почему же вы не работаете в Наркоминоделе теперь, когда этот Комиссариат становится столь важным; ведь Чичерин явно не может справиться?" - то вы бы в этом не сомневались. Если бы вы знали, как каждый товарищ по поводу всякой хорошей ноты всегда убежден, что ее писал не Чичерин, как например я по поводу польской ноты должен был запросить из Крива, кто ее написал и получить ответ, что вы, - если бы вы это знали, то вы были бы также, как все, уверены, что не годится наш Н.К.И.Д.

Но я повторяю, что главное дело организатора не только посадить под-

ходящего товарища на соответственное место, но в особенности в том, чтобы каждому товарищу дать подходящее место, где он может быть максимально использован. Если Сталина в интересах дела можно снять с поста Наркома Р.К.И., ибо он будет полезен на любом посту, а в Р.К.И. не работает, то Чичерина все же нельзя снять с поста Наркома И.Д., ибо он нигде более полезен не будет, и он должен на этом посту остаться.

Но с другой стороны, опять таки только в интересах дела совершенно не целесообразно оставлять меня работать по внешней политике только по каким нибудь латвийским или литовским переговорам. Не говоря уже о том, что занятый постоянно другой работой, я в нормальное время отрываюсь от иностранных дел и вынужден, субъективно с трудом, ибо я уже достаточно стар и устал, чтобы не иметь прежних сил, - настраивать свои мысли и интересы в другую область тогда, когда опять возвращаюсь к внешней политике, вряд ли также целесообразно отрывать меня от партийной и инспекционной работы ради таких пустяков, как переговоры с Литвой в то время, как даже Карахан ежедневно ведет гораздо более серьезные и чреватые гораздо более важными последствиями переговоры, не имеющие только громкого названия мирной конференции и лишенные соответственного внешнего антуража и, следовательно, может справиться и с этим. Кроме того, такие мелкие переговоры не требуют большого напряжения сил и оставляют много свободного времени /чем, между прочим, объясняется то, что я имею возможность так надоедать Вам такими длинными письмами/, а я привык работать по 15-18 часов в сутки и, право, смею надеяться, что стою большего, т.е. более важной работы.

Но я знаю, что когда начнутся серьезные переговоры или возможна будет серьезная дипломатическая миссия на Западе, - мне ее не поручат, ибо в нынешних условиях она будет дана тем, кто ее непременно пожелает и кто "ближе к солнцу". Из этих соображений в отношении Франции естественный кандидат - Каменев, Англии - Литвинов, Америки - Красин и т.д. Мне же в области внешней политики придется заниматься латышами, эстонцами и другой мелочью.

Повторяю, - это не в интересах дела.

Если я обладаю коей какими дипломатическими талантами и опытом, то не стоит меня разминывать на мелочь, особенно отрывая от другой работы.

Я был бы очень огорчен, еслибы Вы поняли меня превратно. Я вовсе не о себе забочусь, ибо субъективно меня вполне удовлетворяет Петроград, где я могу заниматься партийной работой и своей инспекцией. Но что касается инспекционной работы, то, по моему мнению, нельзя еще дальше продолжать ненормального создавшегося теперь положения, когда Н.К.Р.К.И. делает

одню, а я другое; я же никогда не соглашусь работать так, как теперь работает Н.К.Р.К.И., ибо он работает неправильно по моему мнению. Следовательно, необходимо, либо поручить мне по своему ставить работу всего Комиссариата, либо убрать меня из Р.К. Инспекции.

С другой стороны, хотя я по прежнему придаю чрезвычайно серьезное значение р.-к. инспекции, я согласен с Вами, что без хорошего кадра работников многого здесь не сделать. И я прекрасно понимаю, что этого кадра для инспекции теперь не получить ^{вот так} уже началась война с Польше.

Кроме того, я полагаю, что благодаря кое-каким качествам своего ума я более нужен в работе повнешней политике. Независимо от моего опыта в этой области, быть может, здесь сказывается своеобразный "атавизм", но в период до победы мировой революции, в эпоху сношений с буржуазными правительствами, я в этой области могу быть полезнее других, ибо никогда не упущу ни одного промаха противника, не оставлю неиспользованной ни одной слабой стороны, всегда сумею заинтересовать противника так, чтоб они попались в те сети, которые мы им расставляем, и сумею эти сети расставить, в то же самое время не оставляя без внимания также всех революционных возможностей.

Однако, работать в Наркоминделе я не могу, ибо при Чичерине мне нет места. Я мог бы работать только в самостоятельной области, где не сталкивался бы с Чичериним, как например, ведя мирные переговоры.

Такая область работы, по моему, открывается на Востоке, и я поэтому возобновляю свое предложение, сделанное Ч.К. полтора года назад, отправить меня на восток. Тогда В.И., согласившись со мной по существу, ответил мне, что "ради проблематического революционизирования" нельзя отпускать ответственных работников так далеко, и предложил мне ехать на Украину. Тем не менее я и теперь глубоко убежден, что это было ошибкой, ибо я был бы полезнее на Востоке, нежели на Украине. Я лично, скрепя сердце, готов ехать туда, ибо, побывав дважды в ссылке, я вовсе не имею охоты ехать туда добровольно в третий раз, тем более, что я знаю, как тяжело будет оттуда вырваться назад и понимаю, что мне придется там застрять даже, если в Европе начнутся великие события. Но я по прежнему уверен, что теперь, как и раньше, наше спасение в мировой революции и менее, чем когда либо сомневаюсь, что самое удачное место современного империализма - Восток.

Национальное движение на Востоке неизбежно пойдет под знаменем III Интернационала, следовательно, под флагом Советской власти. Препятствия наша пассивность в отношении Востока теперь становится прямо таки преступной. Тем более, что заигрывание наше с империализмом Англии,

Америка, Япония, даже Иран^П ия может вестись еще с большим успехом, через Восточную форточку, нежели через широкие западные ворота.

Кроме того, я точно также уверен, что если не я возьмусь за эту работу, ее никто не будет делать, ибо ни один крупный работник не захочет ехать на Восток, а маленькие работники смогут сделать также мало, как смогли до сих пор. Наконец^П, отпадает и последнее возражение, что жаль меня отправлять туда, ибо если я не получу этой миссии, я, следовательно, должен буду заниматься только партийной работой в Питере, от времени до времени отрываясь на какие нибудь "аравококшайские мирные переговоры. Ибо я не сомневаюсь, что в данной ситуации я Народного Комиссариата Р.К.И. не получу, должен буду, следовательно, эту работу бросить, а серьезного дела в Иностранной политике тоже не буду иметь.

Когда я говорю о работе на Востоке, я не предрешаю вопроса о месте ее. По моему, ^{на Востоке} одинаково перспективно-турецко-афганско-индийско-английский вопрос, как и китайско-корейско-японско-американский. Следовательно, одинаково важно мое пребывание в Туркестане /с работой в направлении Персии, Афганистана, Индии и, в конечном счете, Англии/, как и в Сибири /с работой в направлении Китая, Кореи и Японии и, в конечном счете, Шт.С. А./ Специальных знаний местных условий здесь не требуется, ибо работа одна: интригование в сторону американско-европейского империализма с завыванием близких отпущений, с поработанными им народами плюс революционизирование последних. Это все мне работа достаточно знакомая. Конечно, в одном случае нужен один технический штат, людей, знающих Китай и Японию, в другом другой, знающих Персию и Афганистан. Индия важна, как в первом, так и во втором случае.

Мое письмо личное. Многого из написанного я бы не написал, если бы не Вы были адресатом. Но если бы Вы считали нужным передать это письмо на рассмотрение Ч.К., я бы и против этого не возражал, ибо привык ни перед кем не скрывать своих мыслей.

Я не жду от Вас ответа по всем затронутым здесь вопросам, ибо я хотел только обратить Ваше внимание на эти вопросы. Но жду его по существу личного вопроса и прежде всего прошу не подья вторника сообщить мне, должен ли я брать на себя переговоры с Литвой, представители которой должны приехать не сегодня-завтра, или же мое предложение будет принято, и я смогу реализовать его немедленно по-окончании переговоров с Латвией, с которой мы, по моему, расплывемся в ближайшие дни, и которые, конечно,

7 (148)

(Handwritten initials)

я уж должен закончить. В крайнем случае можно даже закончить перегово-
ры и с Литвой и поехать уже после этого.

Очень извиняюсь за длиннейшее послание, но надеюсь, что Вы
заставите себя дочитать его до конца и ответите мне.

Крепко обнимаю Вас

Вашинтонский

Церре Адольф Адольфович